

А.Г. Гаджикурбанов

О приоритетах этики и метафизики

Гаджикурбанов Аслан Гусаевич – доктор философских наук, доцент кафедры этики. Философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, учебный корпус «Шуваловский»; e-mail: gadzhikurbanov@yandex.ru

В статье представлены некоторые размышления относительно взаимоотношения метафизики и этики в моральной философии Аристотеля в связи с докладом А.А. Санженикова на соответствующую тему. Вполне актуальными являются замечания автора доклада об элиминировании нравственной проблематики во многих современных аналитических исследованиях человеческого бытия, об упразднении в них аксиологического дискурса, утрате интереса к метафизическим основаниям моральной теории. Как мы полагаем, именно метафизика как общая теория бытия выстраивает собственную иерархию ценностей, которая может выступать в качестве аксиологического каркаса для этики. Вместе с тем некоторые идеи автора доклада, касающиеся важных сторон моральной доктрины Аристотеля, требуют существенного уточнения и дополнения.

Ключевые слова: Аристотель, метафизика, этические добродетели, добродетели созерцания, мудрость, счастье, энергия, сущность, человеческие пределы

Доклад А.А. Санженикова «Метафизика Аристотеля как основа его этики» представляет собой редкий в наши дни пример обращения к проблематике взаимосвязи метафизики и этики. Вполне актуально звучит замечание автора об элиминировании нравственной проблематики из многих современных аналитических исследований человеческого бытия, об упразднении в них аксиологического дискурса. Он не только подробно останавливается на метафизической составляющей аристотелевской этики, опираясь на исследования известных современных авторов, но и перекидывает мостик из далекого прошлого этической науки к ее современным представителям, в частности к концепции Сёрла. Это можно рассматривать как заявку на более основательные исследования в заявленной им сфере научных интересов.

В то же время хотелось бы высказать несколько общих и частных соображений, касающихся некоторых идей, высказанных автором данного доклада.

1. Мораль как способ человеческого существования опирается на устойчивую нормативную базу, складывающуюся из привычных форм жизни, нравов, обычаев, объективно существующих в социальном пространстве, моделирующих тот или иной тип поведения и предшествующих любой моральной рефлексии.

сии. Мораль сама по себе не создает моральных ценностей, но, как говорил Аристотель, она представляет собой привычку жить, следуя уже сложившимся в обществе нравам.

2. Как показывает история философской мысли, высшим основанием этики как теоретической дисциплины могут стать метафизические абсолюты, или основания бытия, сами по себе моральной природой не обладающие. Не случайно, что первичные определения бытия у Аристотеля моральной природой не обладают – первое и главное начало в иерархии бытия не обязательно означает лучшее или благое. Метафизика как таковая безразлична к моральным атрибуциям, у нее своя аксиология. И в то же время именно метафизика создает аксиологический каркас для этики, поскольку моральная практика представляет собой форму отношения человеческого субъекта к некоторой объективной законодательной основе всего сущего, пусть даже и иррелевантной к нравственным определениям.

3. Очень хорошо, что А.А. Санжеников вовлекает в свое рассмотрение довольно широкий и достаточно репрезентативный список аристотелевских определений сущего, чрезвычайно значимых для этики, но почему он останавливается только на этих метафизических началах моральной философии Аристотеля? Чтобы представить себе то многообразие значений бытия, которое включает в себя онтология Аристотеля, достаточно обратиться к известной книге Ф. Брентано «О многозначности сущего по Аристотелю», прибавив к этому еще одно определение сущего – «сути бытия» или «чтойности» (to ti en einai)¹.

4. Еще одна проблема понимания этики Аристотеля, которая, к сожалению, не нашла своего отражения в рассматриваемом нами докладе, – это различие двух типов добродетели у Аристотеля: собственно этической (добродетели нравов) и добродетелей созерцания. Как оказывается, у Аристотеля в пространстве высшей эвдемонии (добродетели созерцания) этическое начало как таковое практически совпадает с метафизическим, утрачивая свои отличительные черты. В X книге «Никомаховой этики» мы фактически оказываемся в сфере «первой философии», где «человеческие» добродетели нравов уступают место высшим приоритетам моральной доктрины Аристотеля, являющимся не инструментариями практического действия, а объектами умозрения².

5. В связи с этим при попытке современной интерпретации этической доктрины Аристотеля нас не должна пугать перспектива утраты человеческого содержания в предлагаемой им идее совершенной добродетели.³ Автор доклада, ссылаясь на статью Д. Ахтенберг, задается вопросом о нахождении надлежащего места человека, связывая его определение с присущей человеку разумной деятельностью. Между тем нельзя упускать из виду тот факт, что высшая добродетель созерцания у Аристотеля, о которой прежде всего говорится в X кни-

¹ См.: Брентано Ф. О многозначности сущего по Аристотелю / Пер. Н. Ильина. М., 2013.

² См.: Аристотель. Никомахова этика / Пер. Н.В. Брагинской // Аристотель. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 267–293. Далее цитирование текстов Аристотеля на русском языке приводится в соответствии с пагинацией по изданию: Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1984.

³ См.: Broadie S. Ethics With Aristotle. Oxford, 1991. P. 406. Марта Нусбаум отмечает, что в EN X 7 однозначно утверждается исключительный характер одной лишь теоретической (созерцательной) деятельности души (Nussbaum M.C. Aristotle // Ancient Writers / T. J. Luce, ed. N. Y., 1982. P. 403). Рассмотрение коллизии теоретической и этической позиции у Аристотеля см.: Kenny A. Aristotle on the Perfect Life. Oxford, 1996. P. 89.

ге «Никомаховой этики», на самом деле превосходит возможности человека как ординарного субъекта собственно этических добродетелей (добродетелей нравов), поскольку выражает, по словам Аристотеля, присутствие божественного в человеке (EN 1177a 10–20). И в этом смысле человек, реализуя свое высшее моральное предназначение в соответствии с высшей и главной частью своей души, действительно превосходит собственные человеческие пределы.

6. Соответственно, вызывает возражение следующий тезис А.А. Санженакова: «...в “Никомаховой этике” Аристотель упорно отказывается обсуждать вопросы, выходящие за рамки этической проблематики»⁴. Ведь в самом рассматриваемом нами тексте доклада в соответствии с поставленной в нем задачей приводятся многочисленные свидетельства того, что Аристотель в «Никомаховой этике» использует обширный арсенал своей метафизики при рассмотрении важнейших положений своей моральной доктрины, привлекая для этого разнообразный метафизический инструментарий. Не говоря уже о том, что X книга «Никомаховой этики» прямо обращается к метафизическим и теологическим идеям его философского универсума.

7. Почти в духе стоиков звучит следующее рассуждение автора доклада, когда он переходит к энергичной интерпретации морального действия: «...теперь, описывая добродетель через энергию, мы видим, что она представляет собой некоторую активность, причины, основания и цели которой нельзя искать вне этой деятельности. Собственно в этой плоскости и появляется до сих пор плохо просматриваемое нормативно-этическое измерение в этике Аристотеля, когда он признает, что добродетельные действия следует совершать ради них самих (именно так следует понимать тезис о первенстве принципов поступков)»⁵. Поскольку, как мы заметили, автор не разделяет два типа добродетелей у Аристотеля, возникает вопрос: О каких добродетельных действиях в данном случае идет речь? Если говорится о добродетели нравов (рассматривается величавость), то может ли она и подобные ей этические добродетели претендовать на то, чтобы быть целью самих себя? Аристотель утверждает, что политические добродетели ставят перед собой определенные цели и не избираются ради них самих (EN 1177b 15–20). Как показывает Аристотель (EN X 7–8), только добродетель созерцания (мудрость) желательна сама по себе, желательна не с целью достижения чего-либо иного, и все другие цели желаемы ради нее одной. Он проводит различие между совершенным счастьем, состоящим в созерцательной жизни, и другими, вторичными типами счастья, к числу которых относится счастье политического деятеля, или жителя полиса. Если целью всякой добродетели является счастье, то, как отмечает Р. Краут, для Аристотеля «совершенное счастье состоит в реализации наиболее совершенной добродетели, в то время как вторичные типы счастья состоят в реализации добродетелей, которые не являются безусловно совершенными»⁶. Только в добродетели мудрости как самой совершенной добродетели совпадают сама деятельность и ее цель. Все остальные добродетели не могут рассматриваться как цель в себе, потому что Аристотель выстраивает иерархию ценностей и соответствующую ей иерархию добродетелей, в которой этические добродетели (добродетели нравов) оказываются вторичными после добродетели созерцания.

⁴ Санженакоев А.А. Метафизика Аристотеля как основа его этики // Наст. изд. С. 68 (сноска 6)

⁵ Там же. С. 74.

⁶ Kraut R. Aristotle on the Human Good. Princeton, 1991. P. 241.

Далее, утверждение А.А. Санженакова о том, что целью добродетели является сама добродетель, не отвечает духу аристотелевской этики – это, скорее, стоический тезис⁷. Поскольку для Аристотеля целью добродетельного действия является достижение счастья, то, если бы все описанные им типы добродетельных действий совершались ради них самих, можно было бы предположить, что для счастья было бы достаточно одной добродетели. Но, как оказывается, это далеко не так, или, по крайней мере, данный тезис не касается собственно этических добродетелей (добродетелей нравов). Аристотель утверждает, что для счастья полисного гражданина, то есть носителя этических добродетелей, кроме самих добродетелей необходимы еще и внешние блага (EN 1099a24–b7). Одной добродетели для счастья оказывается мало, и, соответственно, обычные добродетели не могут рассматриваться в качестве целей самих себя. О совпадении добродетельного действия со счастьем можно говорить только применительно к мудрости, т. е. добродетели созерцания, которая практически не отличается от неморального акта созерцания высших начал бытия. Другими словами, обычные этические добродетели, скорее всего, могут энергично реализовать потенцию человеческой сущности, но только не в ее высшем выражении, которое превосходит границы человеческой природы. А это уже прерогатива мудрости.

Список литературы

- Аристотель*. Никомахова этика / Пер. Н.В. Брагинской // *Аристотель*. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 53–294.
- Брентано Ф.* О многозначности сущего по Аристотелю / Пер. Н. Ильина. М.: Изд-во Ин-та «Высш. религиоз. шк.», 2013. 252 с.
- Санженак А.А.* Метафизика Аристотеля как основа его этики // *Этич. мысль / Ethical Thought*. 2018. Т. 18. № 1. С. 66–77.
- Broadie S.* Ethics with Aristotle. Oxford. Oxford University Press, 1991. 462 p.
- Irwin T.* Virtue, Praise and Success: Stoic Responses to Aristotle // *Monist*. 1990. Vol. 73. No. 1. P. 59–79.
- Kenny A.* Aristotle on the Perfect Life. Oxford: Oxford University Press, 1996. 173 p.
- Kraut R.* Aristotle on the Human Good. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. 379 p.
- Nussbaum M.C.* Aristotle // *Ancient Writers: Greece and Rome* / T. J. Luce, ed. N. Y.: Charles Scribner's Sons, 1982. P. 377–416.

On the Priorities of Ethics and Metaphysics

Aslan G. Gadzhikurbanov

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 27 Lomonosovsky prospekt, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: gadzhikurbanov@yandex.ru

The article presents some reflections on the relationship between metaphysics and ethics in moral philosophy of Aristotle in connection with A. Sanzhenakov's paper. His remarks concerning the undervaluation of moral problems in modern analytical studies, focused on

⁷ См.: *Irwin T.* Virtue, Praise and Success: Stoic Responses to Aristotle // *Monist*. 1990. Vol. 73. № 1. P. 59–79.

human existence, the disregard of axiological discourse, the loss of interest in the metaphysical foundations of moral theory, are very penetrating. It is metaphysics, as a general theory of being, that constitutes its own hierarchy of values, which serves an axiological framework for ethics. However, some of the author's ideas concerning the significant aspects of Aristotle's moral theory do require some clarification and supplementation. In particular, he emphasized the metaphysical principles of Aristotle's moral philosophy and misses many others that are no less significant. A. Sanzhenakov pays not enough attention to the important distinction between two types of virtue – the ethical virtues and the virtues of contemplation. Lastly, the concept of virtue as an end in itself, which Sanzhenakov associates with Aristotle, is peculiar rather to Stoic ethics, and not to Aristotle's one.

Keywords: Aristotle, metaphysics, ethical virtues, virtues of contemplation, wisdom, happiness, energy, essence, human limits

References

- Aristotle. *Sochinenija* [Works], Vol. 4. Moscow: Mysl' Publ., 1984. 832 pp. (In Russian)
- Brentano, F. *O mnogoznachnosti sushchego po Aristotelju* [On the Several Senses of Being in Aristotle], trans. By N. Ilyin. Moscow: Institut «Vysshaya religioznaya shkola» Publ., 2013. 252 pp. (In Russian)
- Broadie, S. *Ethics with Aristotle*. Oxford: Oxford University Press, 1991. 462 pp.
- Irwin T. "Virtue, Praise and Success: Stoic Responses to Aristotle", *Monist*, 1990, Vol. 73, No. 1, pp. 59–79.
- Kenny, A. *Aristotle on the Perfect Life*. Oxford: Oxford University Press, 1996. 173 pp.
- Kraut, R. *Aristotle on the Human Good*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1991. 379 pp.
- Nussbaum, M.C. "Aristotle", in: *Ancient Writers: Greece and Rome*, ed. by T.J. Luce. New York: Charles Scribner's Sons, 1982. P. 377–416.
- Sanzhenakov, A.A. "Metafizika Aristotelya kak osnova ego etiki" [Aristotle's Metaphysics as Basis of his Ethics], *Eticheskaya mysl' / Ethical Thought*, 2018, Vol. 18, No. 1, pp. 66–77 (In Russian).